

ПСИХИАТРИЯ

*и актуальные проблемы
духовной жизни*

Коллектив авторов
Психиатрия и актуальные
проблемы духовной
жизни (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25578093

ПСИХИАТРИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ:

Сборник памяти проф. Д.Е. Мелехова: Свято-Филаретовский

православно-христианский институт; Москва; 2011

ISBN 978-5-89100-096-4

Аннотация

Настоящий сборник включает работу известного врача-психиатра, профессора Дмитрия Евгеньевича Мелехова «Психиатрия и проблемы духовной жизни», а также выдержки из его писем и материалы к биографии. В дополнение в сборник включены материалы по близкой тематике: работа педагога-дефектолога, канд. пед. наук В.Я. Василевской «Н.И. Пирогов и вопросы жизни», глава из богословского исследования свящ. Георгия Кочеткова, посвященная подготовке к крещению людей с аномалиями и особенностями душевно-физического состояния, и его проповеди, работа канд. филол. наук М.Г. Гальченко «Проблемы оглашения и воцерковления психически нездоровых людей» и найденная в архиве

Д.Е. Мелехова «Исповедь больного», которая иллюстрирует некоторые положения, развиваемые им в психиатрии.

Содержание

Предисловие	6
Предисловие к работе Д.Е.Мелехова в «самиздатовской» публикации	9
Д.Е. Мелехов	13
I. Поиски целостного учения о человеке (синтетической теории личности)	13
II. Трехотомическое понимание строения личности в христианской антропологии	19
III. Попытка объективного понимания религиозного опыта в современной психологии	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Психиатрия и актуальные проблемы духовной жизни

© Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2011

* * *

Предисловие

Авторы работ, включенных в сборник «Психиатрия и актуальные проблемы духовной жизни», – люди разных призваний: врач, священник, филолог. Каждый из них – специалист в своем деле: профессор психиатрии, магистр богословия, кандидат филологических наук. Здесь же их объединило главное – мирозерцание, православная вера, размышления о соотношении духовного и душевного в человеке. Этот теоретический вопрос вечен. Но сейчас он стал мучительно актуальным. Утрата опыта религиозных переживаний как следствие поругания Церкви коммунистами, нынешняя поддерживаемая властью рекламно-патриотическая или конъюнктурно-прозападная (равно как и восточная – рынок не знает границ ни в чем) мода на религию – все это грозит тем, что тончайшая духовная работа будет подменена внешней обрядовостью, «технологией спасения».

Путь вхождения в Церковь, в веру часто бывает длителен и сложен. Изменившийся взгляд на мир и бытие, новые чувства, мысли, возникающие в ходе этого перерождения, иногда могут удивить самого новообращенного, а у окружающих вызвать беспокойство за его психическое здоровье.

Безусловно, ни о какой болезнетворной роли религии (любой религии) не может быть и речи. Просто у людей с изначальной психической слабостью, у людей, на то обреченных

(с точки зрения врача-психиатра), всякий поворот в жизни, всякое увлечение может выявить таившуюся в душе болезнь. Чаще же вера приносит если не исцеление, то смягчение болезни. За обвинениями в «деструктивном психическом воздействии тоталитарных сект» стоят, как правило, осознаваемые или неосознанные корыстные интересы либо того или иного рода гордыня. И священнику, и прихожанину, и клирику, и мирянину необходимо уметь разбираться в этом, чтобы, следуя своей вере, не обидеть других, чтобы возвысить свой дух, сохранить душевное здоровье, не оказаться втянутым в политические спекуляции.

Работа Д.Е. Мелехова «Психиатрия и проблемы духовной жизни», основная в данном сборнике, написанная с позиций христианской антропологии, по-своему свидетельствует о второстепенности индивидуальных и групповых различий и о потенциях всеобщего духовного единения в любви и творчестве. Задуманный как своеобразная «Психиатрия для священников», этот труд Д.Е. Мелехова привлек живейшее внимание мирян – людей, вступающих в церковь или уже живущих в ней. Трихотомическая концепция личности, динамические взаимоотношения духовного и душевного, прослеженные Д.Е. Мелеховым, могут стать замечательным инструментом созидания человеком самого себя, а значит, и устройства окружающего мира.

Этот подход обнаруживает свою плодотворность в повседневной миссионерско-катехизаторской и лечебно-диагно-

стической работе (по отношению к душевнобольным верующим), проводимой Сретенско-Преображенским братством и связанными с ним общинами. Одной из ступеней подготовки к этой деятельности является курс «Психиатрии для кадетизаторов», читаемый в Свято-Филаретовском православно-христианском институте, также имеющий точкой отсчета работу Д.Е. Мелехова.

Работы других авторов, включенные в сборник, так или иначе перекликаются с основополагающей. Уверен: вдумчивый читатель найдет в сборнике ответы на очень многие вопросы, сделает новый шаг в самопознании, в восхождении к духовности.

Б.А. Воскресенский,

канд. мед. наук, вице-президент

Московской психотерапевтической академии.

Предисловие к работе Д.Е.Мелехова в «самиздатовской» публикации

Священнику в пастырской деятельности приходится иногда встречаться с проявлениями психических расстройств и духовно окормлять нервно- и психически больных. Встанет вопрос, как помочь душевнобольному человеку, как правильно оценивать его состояние и переживания? С такими вопросами нередко обращались к Дмитрию Евгеньевичу многие священники и посылали к нему, крупнейшему советскому психиатру и глубоко верующему человеку, для консультации и лечения своих духовных детей.

Будучи человеком православным, хорошо знакомым с творениями святых отцов, и психиатром по специальности, Дмитрий Евгеньевич много размышлял над соотношением в человеке телесного, душевного и духовного, о душевных и духовных болезнях. Эти вопросы начали его волновать еще на студенческой скамье. Известный Дмитрию Евгеньевичу в годы его молодости старец, архим. Георгий из Даниловского монастыря, очень четко различал эти болезни, и одним он говорил: «Ты, деточка, иди к врачу», а другим: «Тебе у врачей делать нечего». Бывали случаи, когда старец, наладив духовную жизнь, рекомендовал сходить к психиатру или, на-

оборот, брал от психиатра людей к себе на духовное лечение. Оба – малообразованный старец, молитвенник и аскет, и крупный современный ученый с мировым именем – одинаково видели тесное сочетание в человеке душевного и духовного начал и их различия. Один шел от своего духовного пастырского опыта, другой – от своей обширной психиатрической практики, соединенной с православной верой и знанием Священного писания и святоотеческой литературы. В разговорах Дмитрий Евгеньевич подчеркивал, что у него нет опыта духовничества и что свою работу «Психиатрия и проблемы духовной жизни» он пишет прежде всего как врач-психиатр. Она предназначена им как пособие для студентов духовных академий и священников.

Подобных пособий, когда Дмитрий Евгеньевич начал собирать материал для своей работы, не было. Позже за рубежом стали появляться книги типа «Психиатрии для пастырей». Однако они представляют собой упрощенные учебники психиатрии, сходные с теми, которые существуют в нашей стране для средних медицинских училищ. Профессор Д.Е. Мелехов видел свою задачу в ином: подойти к душевным болезням путем соединения научно-медицинского и религиозного понимания личности. Это был оригинальный подход, в котором нуждаются современные пастыри. Дмитрий Евгеньевич мечтал последние годы своей жизни полностью посвятить книге «Психиатрия и духовная жизнь», но ему не удалось устраниться от многочисленных дел и врачебных

обязанностей.

Доктор медицинских наук, профессор Д.Е.Мелехов (1899-1979), сын священника Рязанской епархии, был учеником и сподвижником основателей советской психиатрии С.С.Корсакова, П.Б. Ганнушкина. Он является одним из основателей современной социальной психиатрии, т. е. той области психиатрии, которая вырабатывает принципы возврата душевнобольных в жизнь. Крупный ученый, автор более 170 научных работ по различным вопросам клинической и социальной психиатрии, реабилитации психически больных и организации психиатрической помощи, истории психиатрии и общеметодическим вопросам, один из организаторов советской медицины (он стал одним из основателей ЦНИИ экспертизы и организации труда инвалидов, в течение нескольких лет являлся директором Невропсихиатрического института им. П.Б. Ганнушкина), талантливый педагог и тончайший клиницист, Дмитрий Евгеньевич пользовался огромным авторитетом у своих коллег в Советском Союзе и за рубежом. Но у тысячи страждущих и душевнобольных и их близких, среди которых было немало верующих, профессор Д.Е. Мелехов остался в памяти как великолепный врач, никогда не отказывающий в помощи. Скольким он помог в трудную минуту! Выписанные из больницы старались встретиться с ним, только чтобы услышать от него ласковое слово. Имело значение не только точное понимание болезненных проявлений, но и глубокое уважение, которое он испытывал

к каждому человеку, в каком бы искаженном облике тот ни представлялся перед ним, – в каждом человеке заложен образ Божий. Он умел предвидеть и показать самому больному здоровые стороны его личности, на которые надо опереться в борьбе с душевным недугом. В беседах с друзьями Дмитрий Евгеньевич неоднократно приводил примеры, когда, несмотря на психические заболевания, благодаря духовно правильному образу жизни человек сохранял свою личность, ее красоту и оказывался трудоспособным, и он знал случаи, когда духовное расстройство – прелесть – при упорствовании в нем вело к психическим расстройствам и деградации.

Это был человек деятельной любви к людям, разговор и встречи с которым всегда доставляли радость. Христианство он воспринимал как радостную полноту жизни во Христе, любимыми молитвами его были молитвы благодарственные. 13 мая 1979 г. в восьмидесятилетнем возрасте он почил христианской кончиной. До последних часов своей жизни он сохранял интеллектуальную ясность, светло-радостное восприятие жизни.

В имеющихся главах незавершенной работы Д.Е. Мелехова священники, студенты духовных академий, верующие врачи и все, интересующиеся духовной жизнью, несомненно найдут для себя много полезного и повод для глубоких размышлений. И хочется надеяться, что работа, начатая Дмитрием Евгеньевичем, со временем будет продолжена.

Д.Е. Мелехов
Психиатрия и проблемы
духовной жизни

I. Поиски целостного учения
о человеке (синтетической
теории личности)

В современной психологии и психиатрии в процессе разработки научных теорий личности все яснее выступает стремление найти общие пути научного и религиозного понимания личности, а в практической работе психологов, психиатров и священников – идти путем взаимопомощи, взаимоуважения и обмена опытом в подходе к вопросам воспитания здоровой личности и лечения больных людей.

Научные психологические теории личности за последнее столетие прошли путь развития от чисто описательного подхода на основе интроспекции (решение вопроса психологии личности только на основе чисто субъективного метода самонаблюдения) к объективно-экспериментальным методам Вундта и теперь – к биологически ориентированным,

чисто физиологическим, механически-материалистическим теориям (рефлексологические и бихевиористические школы). Во всех этих последних теориях понятие личности неизбежно обеднялось: изучение ограничивалось исследованием отдельных «операций» или объективно регистрируемых реакций. Внутренняя жизнь личности в эксперименте не регистрировалась и выступала в лучшем случае как «индивидуальный фактор, бросающийся в глаза в лабораторном эксперименте», либо как «помеха в лабораторном опыте»; за употребление физиологами психологических терминов в процессе эксперимента взимался штраф. Здесь нет ни возможности, ни необходимости излагать эти многочисленные теории – каждую в отдельности.

Неудовлетворенность, односторонность, ограниченность этих теорий теперь стали общепризнанными. Идет *процесс проникновения понятия личности даже в биологически ориентированные теории*. Повсеместными становятся поиски синтетического подхода, учитывающего в структуре личности *все ее стороны, все аспекты*.

Современные социологические теории личности требуют рассмотрения как биологических («биогенных»), так и психологических («психогенных») и социальных («социогенных») ее аспектов.

Диалектическая психология в отличие от механических, материалистических теорий видит главное, определяющее в личности в ее общественных отношениях (В.Н. Мясищев), в

ее высших идейных установках, мотивах, целях и ценностях (общественных и духовных), которые определяют «личностный смысл» поведения и поступков человека (А.Н.Леонтьев), являются необходимой и определяющей частью личности, обеспечивающей торможение и регуляцию всех врожденных и приобретенных форм поведения. Физиологическую основу этой высшей, чисто человеческой инстанции И.П. Павлов видел во второй сигнальной системе.

Выдвигается в качестве основного тезиса диалектической психологии «единство сознания и деятельности», ибо «бездетельная сознательность есть чистый дух, абстракция, а бессознательная деятельность есть обратная сторона той же интроспективной психологии» (С.Л.Рубинштейн).

Так, по мере освобождения от примитивного механистически-материалистического мышления («психика – функция мозга, такая же, как выделение желчи – функция печени») возникает *признание духовных ценностей*, духовных основ личности, *не сводимых к физико-химическим процессам*.

Тезис, ставший в XIX веке догматом, о том, что наука может успешно свести все психические проявления человека к физическим и химическим процессам, измеряемым в пространстве и времени, расценивается как «опасность современной цивилизации и важнейшая методологическая ошибка» (А. Харди, профессор естественной истории и директор научного центра по объективному исследованию религиозного опыта, Манчестер, Англия).

Так, всеобщим и императивным требованием становится *рассмотрение человека как целого, во всей полноте его физических, психических и духовных проявлений, как духовной личности*. И это – бесспорное достижение современной научной мысли, в особенности по сравнению с тем периодом, когда само понятие личности в нашей научной и художественной литературе было одиозным и психология и социология как научные дисциплины объявлялись ненужными.

Верующий психолог или психиатр может и должен с интересом следить за тем, как углубляется и расширяется мышление современных материалистов в исследованиях и теоретических концепциях личности и ее развития в норме и патологии (В.Н. Мясищев, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Щеканьский, Шибутани и др.). И пусть на данном этапе официально принятые в нашей стране социологические и психологические теории видят в развитии духовной личности человека только «всемогущее влияние общественных отношений, всей суммы общественно-исторического и личного опыта». Будет очень интересно наблюдать, как станет расширяться у объективных ученых *понимание духовной личности человека и ее отношений к нижележащим пластам бытия – душевным и биологическим*.

Для нас же теперь представляют интерес некоторые психологические и философские теории, которые воспринимают личность как «самодетельную, самосозидающую, целеустремленную и осмысленную деятельность, как закончен-

ную систему, скорее метафизически, чем экспериментально обоснованную» (В. Штерн).

Этого типа философски ориентированные теории личности берут начало от М. Шелера, которого по его моральным и интеллектуальным качествам называют «Сократом современности». Он – создатель целостного учения о человеке на основе христианского опыта. В основе этого учения – необходимость учитывать *все слои личности*: соматические, витальные, психические и духовные в их взаимодействии. Он анализирует не только объективно регистрируемые психические проявления или реакции человека, но и такие переживания, как доброта, благоговение, любовь, раскаяние, стыд, обреченность, что такое мое «я», смысл жизни и т. д.

Поставлена и решается задача – преодолеть сведение человека к одному биологическому или психическому существованию. Предмет исследования – человек как целое, как духовная личность, обладающая известной автономией в отношении биологических и психических процессов. Религиозные переживания – не нечто случайное или только отражающее производственные и общественные отношения: они имеют определенное значение во всей целостной системе личности, в общей «иерархии ценностей» в жизни личности. Больше того, *личная духовная сфера мыслится как доминирующая* и находящаяся в определенных отношениях с *душевной* и биологической. Современная религиозная психология признает диалектическое и динамическое отношение

с Богом как одно из важнейших измерений личности.

Именно на почве такого синтетического учения о личности человека («персоналистическая антропология»), учитывающего *все слои бытия*, возникают плодотворные отношения между теологом, психиатром и психологом и устанавливаются правильные отношения между наукой и религией (Н.Нейман).

Естественно, что в научной области эта концепция еще не может считаться завершенной, она только развивается и поэтому плодотворна в науке. В ней мы находим много близкого и созвучного с учением православных богословов и отцов церкви, для которых личность человека имеет неповторимую вечную ценность, абсолютно незаменимую в полном смысле слова. И эта вечная ценность человека не умирает в смысле полного уничтожения. *Дух его переходит в иную сферу бытия*, из одной формы в другую, бесконечно более великую.

II. Трехотомическое понимание строения личности в христианской антропологии

Весь многовековой религиозный опыт богословского и практического подхода к человеческой личности в христианстве пронизан идеей трехотомического строения личности, раскрытия в ней не только духовного, но и душевного, и телесного (биологического, «природного») пластов бытия. Как у древних, так и у современных отцов и учителей церкви мы неизменно обнаруживаем внимание ко всей личности в целом, не только к духу и душе человека, но и к телу, участие которого в религиозном опыте признается как аксиома. Христианская антропология православного святого Григория Паламы (XIV в.), как и христианская по своей природе педагогика К. Ушинского (XIX в.), строится на основе понимания в человеке дифференцированных и находящихся во взаимодействии проявлений духа, души и тела ¹.

Единство и гармония всех сторон человеческой личности, состояние, которое дано было человеку в его первоизданной чистоте, затем было утеряно в результате пренебрежения за-

¹ Напомним, что основной труд Ушинского «Педагогическая антропология» состоит из 3-х томов: «Воспитание тела», «Воспитание души», «Воспитание духа», и религиозные основы его антропологии совершенно очевидны.

конами духовной жизни и теперь является заданным человеку, искомым состоянием: «Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа» (1 Фес 5:23).

Это завещание ап. Павла проходит через все века. Вот несколько примеров.

Никодим Святогорец (XIX в.) пишет: «Дух твой, ищущий Бога небесного, да властвует над душою и телом, назначение которых – устроить временную жизнь».

Для *Макария Великого*, подвижника IV в., была очевидна наша зависимость от психофизического организма (то, что на современном языке физиологии принято называть конституцией или типом высшей нервной деятельности). Он пишет: «У преуспевающих в духовной жизни *естество* остается прежним: человеку суровому оставляется его суровость, а уступчивому – его уступчивость... Иной, по *естеству* будучи суровым, предает свою волю Господу, и приемлет его Бог, а естество пребывает в своей суровости. А иной добронравен, скромн и добр, посвящает себя Богу, и его приемлет Господь». Но это не значит, что проявления этих природных особенностей остаются в духовной жизни неизменными: они «хотя и остаются прежними в своем существе, но в своих проявлениях изменяются под влиянием духовной жизни». Он приводит два примера разного осуществления заповеди милосердия у человека с мягким характером и су-

рового: «Один по мягкости *умоляет* грешника и зовет к покаянию, другой – суровый – *наказывает* согрешившего, сообразуясь с его силами, и следит за действием наказания и ждет покаяния».

Широко известен рассказ его о различных проявлениях покаяния у двух монахов с различным характером (они изменили монашескому обету, ушли в мир и стали жить по обычаям мирской жизни, а потом раскаялись и просили обратно вернуть их в монастырь). Им был назначен годичный срок испытания. Вернувшись через год, они дали отчет: один весь год *горько плакал* о содеянном, другой весь год *радовался*, от какой беды и падения избавил его Господь. Когда монахи отчитались братии, как они провели этот год, оба они, пережившие покаяние явно различно в зависимости (как мы скажем теперь) от своей «конституции», «темперамента», были приняты «равно достойными» вернуться в монастырь.

Более близкое к нам время – XIX век, – описание жизни старцев-отшельников на острове Валаам дает убедительные примеры разных характеров и темпераментов. Напомним два примера. Один отшельник выбрал для своей жизни северную сторону острова, на берегу тенистой бухты, заросшей вековыми соснами, где никогда не было солнца. Он питался сухарями и водой, не общался с людьми, соблюдая обет молчания, не принимал гостей, ходил в темной одежде, пренебрегал правилами гигиены и т. д. Другой выбрал для се-

бя южную бухту, окруженную светлыми березами, расчистил кусочек земли, разводил огород, имел небольшой пчельник, любил пить чай с медом и охотно принимал и угощал приезжих гостей, летом носил белый подрясник, был всегда опрятен, весел, жизнерадостен, любил петь высоким тенором молитвы. Посещавшие его гости, покидая на лодке его бухту, далеко еще слышали воспеваемые его звонким голосом любимые им гимны, прославлявшие Богоматерь: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь». Примечательно то, что в соборном сознании руководства монастыря на острове оба эти отшельника почитались как «равно уважаемые».

Такое же разнообразие характеров нашел о. Валентин Свенцицкий, когда в 1913 году, тогда еще журналист и ищущий философ, знакомился с отшельниками Кавказских гор и описал потом свою поездку в книге «Граждане неба».

Теперь рассмотрим, как эти мысли древних отцов и подвижников отразились в сознании учителей церкви XIX в.

Епископ Таврический Михаил, широко образованный человек, стоявший на уровне современного ему развития биологии и психологии, различал четыре «течения» («сферы») внутренней жизни человека:

1. Течение материальной и чувственной жизни, где люди *стихийно* несутся и движутся во взаимной жестокой борьбе (здесь, видимо, соматический и витальный слой Шелера соотнесены к одной сфере).

2. Сфера *умственной жизни* со своими законами и свой-

ствами соединяет людей единством идей в своем колеблющемся и меняющемся свете.

3. Сфера *высших человеческих симпатий* (то, что современная психология объединяет понятием «высшие социальные чувства») и *сострадания* («горячая струя в истории согревает людей и составляет из них живой организм»).

4. Сфера *свободной веры*: здесь – лучи духовного солнца, дающего всем жизнь и теплоту, которыми «мы живем, и движемся, и существуем» (Деян 17:28).

В борьбе этих течений (сфер) совершается драма внутренней жизни человека. У каждой из этих сфер – свои законы, своя природа, направление и приемы борьбы.

Во власти человека непосредственно – только область духовной свободы: она не уничтожается никогда.

Все другое течет и развивается по своим природным законам, ничего общего не имеющим со свободой человека. Только свобода человека, как солнце, может жить и исправлять стихийные силы и сферы, живущие по своим законам, под внешним влиянием, бушуя и затопляя собой все.

Слабая свобода только своим сознанием пассивно присутствует там, куда увлекают человека стихийные силы и течения, подчиняется их законам и даже может усиливать своим сознанием эти природные течения. Если у него *доброе сердце*, он подчиняется движениям эмоций, живет своим сознанием в этой области и тем усиливает ее.

Если у него *ясный и острый ум*, человек своим сознани-

ем и свободой следует за его логическими построениями и усиливает их.

Если у него *могучая фантазия*, он отдается миру образов и грез.

Если *несокрушимая сила чувственности и эгоизма*, он становится беззаветным слугою их и подчиняет им свою сферу духовной свободы.

Колебания возможны в зависимости от природного склада человека, от силы его стихийных влечений.

Но схема остается одна и та же.

Епископ Феофан Затворник в том же XIX в. систематически исследовал, «что есть духовная жизнь», «что есть дух в человеке» в отличие от души и тела.

В его понимании дух в душевной жизни человека проявляется трояко: в благоговении и страхе Божьем, в совести и в искании Бога. Духовность есть «норма» человеческой жизни, и проявляется она в сознании и свободе, «одухотворенности всех трех сторон человеческой психики: эмоциональная сторона приобретает стремление к красоте, воля приобретает стремление к бескорыстным поступкам, ум – “стремление к идеальности”». В единстве и равновесии всех сторон человеческой природы (духа, души и тела) коренится, по мнению епископа Феофана, свобода и сознание, подлинное здоровье человеческой личности, основа целостного нашего «я». Лицо человека определяется тем, что в нем преобладает: дух, душа или тело. Если сознание и свобода помраче-

ны и подчинены душевно-телесному (мы теперь скажем психофизическому), тогда это уже не человек. Отличительная черта человека, высшая сторона человеческой жизни в духе, выделяющая его из всех других тварей, – это неотъемлемая принадлежность нашего существа, и проявляется она у всех своеобразно.

Итак, мы видим, что представление о «слоях бытия», о «сферах» и течениях человеческой личности в деталях различается в разные исторические эпохи и у различных авторов даже одного и того же направления или вероисповедания, но, бесспорно, единство во всех веках обнаруживается в стремлении анализировать человеческую личность как целое, во всей полноте ее духовного и душевно-телесного бытия и преодолеть сведение человека к одному биологическому или психическому существованию. Этот тезис необходим для дальнейшего изложения стоящих перед современным верующим психологом и психиатром проблем: как соотносится духовное и душевное здоровье? Духовные и душевные болезни? Всегда ли они развиваются параллельно или в неразрывной связи? Можно ли быть душевно здоровым, будучи духовно больным? И наоборот – будучи духовно здоровым, заболеть душевной болезнью в медицинском смысле?²

² Позволим себе напомнить только на двух примерах, что эта мысль о единстве, цельности всех сторон личности человека как признаке здоровья проникает не только в религиозную психологию, но и в объективную науку и художественную литературу. И. П. Павлов к концу своей жизни говорил не раз, что его физиологическое понимание высшей нервной (психической) деятельности никак не зачер-

кивает духовных проявлений человеческой личности. В частности, для физиологического понимания высших человеческих функций, регулирующих и тормозящих деятельность системы безусловных (чисто биологических) рефлексов и системы условных (ассоциативных, познавательных) рефлексов, он создал учение о третьей функциональной системе высшей нервной деятельности, так называемой 2-й сигнальной системе – специфически человеческой, которой и придавал высшее регулирующее значение; при этом он прямо говорил, что основа здоровой личности, цельности нашего «я» коренится в единстве и взаимодействии этих «трех систем друг с другом». Американский писатель Лион Фейхтвангер хорошо писал о наших предках, которые «обладали способностью воспринимать дух и переносить его на других без посредства обедняющей и иссушающей письменности и устной речи. Они могли непосредственно воспринимать все существо человека как нечто единое. Так земля впитывает дождь. Мы – современные люди – нищие. Мы лишились этого дара. Только немногие еще обладают им».

III. Попытка объективного понимания религиозного опыта в современной психологии

Взаимоотношение естественнонаучной (медицинской) и теологической точек зрения на патологические проявления в психике человека в истории культуры было различным. Можно выделить три периода.

1. Господство религиозно-мистического понимания всех психопатологических проявлений. Психиатрии как медицинской дисциплины еще не существовало. *Все психические болезни* рассматривались как результат воздействия дьявола, бесоодержимость или как непосредственный результат первородного греха (И. Гейнрот). Лечить их поэтому должны не врачи, а священники, философы, моралисты. Организационно этому донаучному периоду развития психологии соответствовал монастырский период психиатрии, когда государство, не имея психиатрических больниц и врачей-психиатров, возлагало на монастыри призрение психически больных («бесных», «безумных», слабых умом, слабоумных), наряду с другими убогими людьми («хромцы», «слепцы» и др.).

Справедливость требует сказать, что уже тогда – в далекие времена – мы имеем пример дифференцированного подхода к психически больным даже в монастырях, где опыт за-

ставлял разграничивать переживания людей, возникшие под воздействием злой духовной силы, демонских искушений, – с одной стороны, и переживания, являющиеся результатом естественных природных процессов в организме, – с другой. Так, человек большого духовного опыта и тонкой наблюдательности, настоятель монастыря, Иоанн Лествичник (VI в.) приводит определенные признаки, по которым он советует отличать возникающие помимо воли монахов расстройства духовного происхождения от таких же не уступающих молитве и силе крестного знамения настроений, развитие которых зависит, как он пишет, «от естества».

2. Второй период – XIX век, становление психиатрии как научной медицинской дисциплины на основе рационалистических теорий (школа соматиков). По мнению сторонников этих теорий, психические болезни ничем не отличаются от соматических заболеваний. Только врач, исходя из чисто телесных, соматических и мозговых процессов, может понимать психопатологические проявления. Теолог и пастырь здесь ни при чем. Всякий *немедицинский* путь отвергается и осуждается как не имеющий познавательного значения (В. Гризенгер, 1861 г.). Проявления религиозной жизни трактовались (как иногда и в наше время) как психические заболевания или симптомы болезни.

Религиозные догматы и идеи расцениваются как навязчивые идеи невротиков (Райн, 1922 г.).

Для З. Фрейда религия – «массовое безумие» и в то

же время попытка самолечения человечества, помогающая ограничить власть инстинктов и влечений.

В последующие годы ставится задача создания «позитивной психологии религии» путем экспериментального воспроизведения и исследования религиозных переживаний с помощью религиозных текстов и понятий как раздражителей, возбуждающих религиозные переживания.

Этого типа исследователи, естественно, не идут дальше формального описания религиозных переживаний. Значение содержания духовного переживания, его «личностный смысл» отступает на задний план и игнорируется, как это вообще свойственно экспериментальным, чисто биологически ориентированным теориям в физиологии и психологии.

3. Третий период – XX век, когда в психологии и психиатрии возникает императивная необходимость синтетического рассмотрения психических проявлений человека в норме и патологии, во всей полноте его духовного и психофизического бытия. Это направление в психологии и психопатологии привлекло внимание и сочувствие многих крупных ученых.

Установлено, что наше знание обусловлено тем или иным познавательным методом, что научные положения имеют ограниченную и преходящую ценность в зависимости от применяемого метода (К. Ясперс). Целостное антропологическое воззрение на человека во всей полноте его духовных и психофизических проявлений привлекало внимание таких ученых, как психиатры К. Бонхеффер и Э. Кречмер, невро-

лог Ж. Лермитт и др.

Ими признается необходимость рассматривать религиозные переживания в двух аспектах:

а) поскольку проявления религиозной жизни в душе человека представляют собой определенные психологические состояния всей личности в целом и всегда связаны с теми или иными физиологическими процессами в организме человека, постольку они могут быть предметом психологического, психофизиологического, а в случаях патологии – психиатрического исследования;

б) но содержание религиозных переживаний выходит за пределы компетенции этих методов: они должны быть предметом религиозного исследования, теологии. Психиатрические гипотезы, психологические обобщения и теории не адекватны для объяснения религиозных переживаний (так же, как и для объяснения поэтического, музыкального и художественного творчества).

Поэтому религиозный человек, его поведение, состояние и даже заблуждения должны восприниматься во всем целостном строе человеческой личности, который включает не только психофизиологическое, но и духовное бытие. Таков этот широкий «горизонт общений», который пропагандируется «Сократом современности» М. Шелером и принимается многими учеными. В книге Шелера «Существенная феноменология религии» (1921 г.) делается попытка по возможности точно определить специфические черты религиозного

переживания и дать анализ этих особенностей. Выдвигается в качестве необходимого для объективного ученого требование не только формального описания религиозных переживаний, но обязательного раскрытия духовного содержания и влияния их на поведение личности. В качестве основного положения (постулата) принимается, что религиозный человек на любой ступени религиозного опыта проникает в одну глубоко отличную от всего остального опытного мира область бытия и духовных ценностей.

Поэтому подлинно религиозный акт отличается следующими чертами: а) ему присуща «тенденция к надмирности»; б) он осуществляется только посредством Божественного начала, в живой встрече с Богом, только при наличии некоего бытийного воздействия со стороны Божества, по Своей воле отдающегося человеку. Таким образом утверждается «самобытность и непроизвольность религиозного опыта» (М. Шелер). Это своеобразный синтетический акт, в котором «мысль и функция "я" сплавлены в нерасторжимое единство» (М. Шелер) и который доступен формальному историческому анализу: «отношение к духовному бытию стоит на первом плане в структуре религиозного переживания» (Вильволь, 1939 г.). Для этого переживания характерна «целостность восприятия»: религиозное переживание открывается одновременно как «дух и жизнь» (Ин 6:63), как «духовность, излучающая в область иррационального, как иррациональная жизнь, соединяющаяся с духовностью».

«Любовь и благоговение описываются как наиболее выдающиеся черты, присущие только религиозному мировосприятию, как не простые эмоциональные величины, но духовно-личностные ценности, которые возникают лишь в личном опыте и имеют отношение только к личному носителю ценностей» (Вильволь).

И, наконец, Трильфес (1952 г.) подчеркивает, что подлинный религиозный акт неразрывно связан с его волевым побудительным компонентом (его «интенциональным коррелятором»). *«Вера как форма познания имеет духовное содержание, но как норма практической жизни — она есть тип человеческого поведения».*

Таковы в самых общих чертах эти попытки современной религиозной психологии определить объективно не только форму, но и содержание религиозного переживания.

В этих попытках можно видеть общие усилия неразрывно связанных между собой дисциплин: психологии религии, религиозной феноменологии и религиозной социологии, направленные на обобщение религиозного (в основном христианского) опыта человеческой личности.

Такое определение формы и содержания религиозного переживания поможет нам в дальнейшем разграничивать здоровое и болезненное в религиозной жизни человека, истинно религиозное и псевдорелигиозное. В этом плане будут иметь особо важное значение следующие характеристики религиозного переживания.

1. «Надмирность» этой живой встречи с Богом, проникновение в отличную от всего остального опытного мира область, отношение к духовному бытию.

2. Синтетический характер этого переживания, в котором мысль и все функции человеческой личности выступают во всей их целостности, в единстве, в котором участвует сердце (не анатомический орган, не центр только эмоциональной жизни, но сердцевина, центр человеческой жизни, «место совершенного синтеза», «фокус всего бытия»).

3. Любовь и благоговение как наиболее важные черты, присущие религиозному мировосприятию.

4. Неразрывная связь с волевым, побудительным компонентом, обязательное отражение религиозного опыта в делах, в поведении человека.

IV. Отношение врача-психиатра к религиозным переживаниям больного и отношение священника к патологическим проявлениям в психике (общие положения)

Вопросы, поставленные в названии этой главы, по существу являются задачей всех последующих глав, поэтому здесь даются только общие положения, которые найдут конкретное применение в последующих главах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.